

Н.Г. Богословский

Николай II

**Материалы для характеристики личности и
царствования**

УДК 93
ББК 63.3
Б74

Б74 **Богословский Н.Г.**
Николай II: Материалы для характеристики личности и царствования / Н.Г. Богословский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 256 с.

ISBN 978-5-518-05537-7

Издание журнала "Голос Минувшаго".

ISBN 978-5-518-05537-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Очеркъ царствованія Николая II.

1.

Восшествіе на престоль бывшего императора Николая II встрѣчено было русскимъ обществомъ тѣми надеждами на наступленіе новой эры, которыя характернымъ образомъ сопровождали у насъ начало каждаго новаго царствованія. Болѣе хотѣлось, чѣмъ вѣрилось, что «молодой монархъ», котораго въ народѣ знали очень мало, будетъ лучше своего предшественника. Хотѣлось потому, что борьба съ послѣдствіями страшнаго неурожая начала 90-хъ годовъ—всколыхнула русское общество отъ десятилѣтней спячки, выдвинула вновь на видное мѣсто политико-экономическіе вопросы, положила начало той дифференціи общественныхъ направленій, которая позднѣе привела къ образованію сплоченныхъ политическихъ партій. Александръ III вступалъ на престоль подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ страшнаго смерти отца. Онъ долженъ былъ отсѣживаться въ Гатчинѣ отъ народовольцевъ, откладывать коронацію, уединяться въ шхерахъ и въ Даніи. Онъ, подобно травимому звѣрю, долго копилъ сосредоточенную озлобленность, вырабатывая изъ себя маньяка идеи самодержавія. Николай II былъ свободенъ отъ этихъ угнетающихъ впечатлѣній: онъ могъ дѣйствовать спокойно и свободно, чтобы стать любимымъ въ народѣ, заранѣе настроенномъ въ его пользу. Но общество наше, встрѣчая съ такими надеждами и ожиданіями молодого Николая, не учитывало, какое фатальное наслѣдство оставилъ Александръ III своему сыну, не учитывало того, что въ атмосферѣ придворной лести и преклоненія средній, не особенно сильный, не особенно интеллигентный человѣкъ, вознесенный на сверхчеловѣческую высоту, увѣренный, что онъ—помазанникъ Божій, легко могъ выработаться въ самоувѣреннаго невѣжду, совмѣщающаго трясичность души съ упорствомъ, полную темноту съ отсутствіемъ желанія учиться и соприкасаться съ жизнью. И нужно было, чтобы Николай сдѣлалъ опредѣленные выступленія: только тогда общество

было выведено грубыми толчками изъ радужныхъ, дѣйствительно, «безсмысленныхъ» мечтаній о добромъ молодомъ царѣ, который былъ только сномъ или призракомъ. Уже первое выступленіе Николая въ качествѣ монарха ясно показало, что онъ не вѣритъ своему народу, подозрѣваетъ его въ государственномъ преступленіи и ничего съ нимъ общаго не имѣетъ. Это первое, такъ сказать, отреченіе Николая отъ своего народа произошло слѣдующимъ образомъ.

17 января 1895 года назначенъ былъ пріемъ молодымъ императоромъ депутаціи отъ дворянства, земствъ, городовъ и казаныхъ войскъ. Въ большой залѣ Анничковскаго дворца состоялся этотъ пріемъ, и здѣсь Николай произнесъ безтактныя слова о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», ставшихъ потомъ нарицательными. «Мнѣ извѣстно, сказалъ Николай, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть все знаютъ, что я, посвящая все силы свои благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель». Отказавшись отъ той поддержки, съ которою такъ довѣрчиво встрѣчала его Россія, Николай II становился сразу въ то немислимое для власти положеніе, которое выражается въ извѣстной формулѣ: «мы и они», «мы и народъ»—и въ сказочномъ безразличіи по отношенію къ судьбамъ государства. Кто же были эти «мы»—на первыхъ порахъ царствованія Николая II? Самъ онъ, 26-ти лѣтній молодой человекъ, инглизирванный благодаря стараніямъ главнаго воспитателя м-г С. Heath'a, искусившійся и въ верховой ѣздѣ, и въ стрѣльбѣ, и въ другихъ спортахъ, отлично говорившій по-английски и съ трудомъ изъяснявшійся по-русски, по своему образованію однако навсегда оставшійся на уровнѣ средняго гвардейскаго офицера, никогда не интересовавшійся ни одной изъ преподававшихся ему по-казенному военныхъ и штатскихъ наукъ, проводившій время въ церковныхъ церемоніяхъ, парадахъ, маневрахъ, а позднѣе съ эпохи кругосвѣтнаго путешествія—еще и въ кутежахъ и забавахъ въ гвардейско-гусарской средѣ.

Жена Николая, такъ называемая Александра Осодоровна, принцесса гессенская Алиса, которую, какъ витѣвато выражался манифестъ 21-го октября 1894 года, «душа возлюбленнаго родителя благословила раздѣлять съ нами вѣрующею и любящею душою непрестанныя заботы о благѣ и преусибіи нашего отечества»,—принесла съ собой въ приданое лишь неизякаемую обиженность, надменное молчаніе и презрѣніе къ русскимъ. Говорили, что

Алиса—«докторъ философіи», что она сочувствуетъ просвѣщенію, конституціонализму. Но пока она была нормальна, она никакъ себя не проявляла, а потомъ скоро стала обнаруживаться ея психическая неустойчивость, характерная для гессенской семьи.

Изъ родственниковъ Николая—дѣдушка Михаилъ Николаевичъ былъ уже выжившимъ изъ ума старикомъ. Болѣе вліятельными могли быть дядья императора. Старшій изъ нихъ Владиміръ Александровичъ, уже немолодой тогда жуиръ, кутила-скандалистъ и сквернословъ, невозможный въ сколько нибудь приличномъ обществѣ, былъ широко знаменитъ какъ беззастѣнчивый растратчикъ чужихъ денегъ, между прочимъ укравшій три милліона, собранные по всенародной подпискѣ на постройку храма на мѣстѣ убійства его отца, Александра II. Сергій Александровичъ, будущій московскій генералъ-губернаторъ, извращенный развратникъ, почти мономанъ, злобное и гнетущее существо, щедро одарявшій лишь своихъ военныхъ и штатскихъ любимцевъ. Алексѣй Александровичъ, стоявшій цѣлый рядъ лѣтъ во главѣ морского вѣдомства и флота, горькій пьяница, распутникъ, лѣнтяй и глупецъ, растрачивавшій деньги, отпускавшійся на морское вѣдомство, по европейскимъ курортамъ и игорнымъ притонамъ. Наконецъ, Павелъ, о которомъ, какъ о совершенно безликой фигурѣ, нельзя сказать ровно ничего. Братья Николая—Георгій въ тѣ годы умиралъ въ далекомъ Абасъ-Туманѣ отъ туберкулеза, обострившагося послѣ дикой сцены съ Николаемъ на «Памяти Азова» и паденія съ лѣстницы въ трюмъ; Михаилъ, любимецъ отца, а потому непріятный завистливому и ревнивому Николаю, былъ еще въ 90-хъ годахъ слишкомъ юнъ, чтобы имѣть какое-либо значеніе. Что касается ближайшаго окруженія Николая, его «правительства» на первыхъ порахъ, то, конечно, не онъ создавалъ его, такъ какъ по своему титаническому равнодушію къ судьбамъ государства, онъ и не считалъ нужнымъ что либо создавать. Эти люди пришли править Россіей сами, думая лишь о своихъ личныхъ выгодахъ. Одни изъ нихъ сумѣли удержать свое властное положеніе, достигнутое еще въ предыдущее царствованіе, другіе просочились наверхъ черезъ нихъ или черезъ товарищей юности Николая. Несомнѣнно, что наибольшимъ значеніемъ при императорѣ пользовался знаменитый оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ, фигура слишкомъ извѣстная, чтобы о ней распространяться. Ханжа и лицемеръ, великій обманщикъ и атеистъ, развратный страусъ нравственности, онъ и при Николаѣ продолжалъ увѣренной и искусившейся костлявой рукой гнестить и церковь, и народную совѣсть и вдохновлять третью по счету реакцію—просто по инстинкту чловѣконенавистничества. Без-

престанно осбнявшій себя крестнымъ знаменіемъ, питавшійся просфорками, смиренномудрствовавшій, Побѣдоносцевъ наполнилъ церковь такими нужными ему іерархами, какъ вороватый Палладій, обжора и сластена Исидоръ, эротоманъ Леонтій, развратникъ Николай Алеутскій. А за этимъ великимъ инквизиторомъ располагались все не менѣе знакомыя (хотя и печальныя) намъ лица: пара Дурново—Петръ и Иванъ; первый, съ наименованіемъ «Бразильскій» (за кражу документовъ изъ стола бразильскаго посланника) былъ заклеименъ резолюціей Александра III: «Убрать этого негодяя въ 24 часа», но потомъ, при Николаѣ снова выплзаетъ на видныя мѣста; второй, старшій братъ, Иванъ еще менѣе образованный, но пронырливый и покладистый служака, полюбившійся еще гр. Д. Толстому за свою бездарность, выдвинутый имъ и просидѣвшій потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ 1889 до 1895 г. Ему Россія обязана институтомъ земскихъ начальниковъ, земской реформой 1890 года и городской 1892 г. При Николаѣ Иванъ Дурново превращается въ предсѣдателя комитета министровъ, а на его мѣсто назначенъ былъ П. Горемыкинъ, котораго почему-то считали специалистомъ по крестьянскому вопросу, хотя его единственной специальностью было ферлакурство. Горемыкинъ потащилъ за собой мужей всѣхъ своихъ пріятельницъ, а на Николая воздѣйствовалъ главнымъ образомъ слезами и истериками. Во главѣ военнаго дѣла остался стоять столько же «терпѣливый», сколько и бездарный Куропаткинъ, ловко пользовавшійся лучами скобелевской славы, на немъ игравшими. Величайшимъ финансистомъ считался Витте, проведеншій внѣшнимъ образомъ мастерски ту девальвацію, которая упрочила нашъ общій балансъ. За этими звѣздами первой величины свѣтились вереницы менѣе значительныхъ: Клейгельсъ, любимый ген.-адъютантъ Николая, воръ и мошенникъ, безъ котораго не обходилось ни одно темное дѣло, гдѣ бы можно было пожить; фонъ-Валь, патентованный воръ, принятый однако послѣ обнаруженія его подвиговъ въ свиту и прошедшій потомъ въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, Каульбарсъ, Ренненкампфъ, Нейдгартъ, Меллеръ-Закомельскій, Бильдерлингъ, Штакельбергъ, Гриппенбергъ и мн. др. съ не менѣе выразительными фамиліями. Вотъ изъ кого состояли тѣ «мы», которымъ до Россіи и народа было очень мало дѣла, что они и показали въ первомъ же актѣ новаго царствованія, превративъ коронацію въ «ходынку».

Такое катастрофическое вступленіе въ царствованіе обусловлено было впрочемъ не столько преступной небрежностью московскихъ начальниковъ, сколько отстаивавшимся общимъ режимомъ. Около безвольнаго и полуодушевленнаго Николая II

вились вихри чиновничьих интригъ, обдѣлывались дѣла, не имѣвшія въ виду народныхъ нуждъ. Ни самъ Николай, ни его сподвижники не имѣли определенной правительственной программы, не руководились ясно сознанными государственными задачами. Единственной цѣлью правящихъ круговъ было—такъ или иначе сохранить себя, поддержать свой гаснущій авторитетъ, а потому дѣятельность правительства на рубежѣ XIX и XX ст. сводилась частью къ нервной охранѣ существующаго порядка, при помощи усиленія полицейской репрессіи, частью къ растерянными и сбивавшимъ другъ друга попыткамъ пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ государственнаго устройства. Ухватились еще съ 1894 г. за пересмотръ законоположеній о крестьянахъ. Министръ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ предоставлено было сообщать разрѣшать разсерску выкупныхъ недоимокъ посредствомъ приплатъ (законъ 7 февраля 1894 г.), какъ будто попытались понизить самые оклады выкупныхъ платежей, но оба узаконенія въ этой области (13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г.) не пошли дальше незначительнаго уменьшенія ихъ основнаго размѣра, притомъ обставивъ и его различными стѣпеніями. Лишь поздиѣе, подъ воздѣйствіемъ роста аграрныхъ волненій, съ 1906 года правительство принуждено было скинуть сначала половину выкупныхъ платежей, а съ 1907 года вовсе отмѣнить ихъ. Другому еще болѣе важному вопросу—о земельной нуждѣ крестьянъ—въ дѣдумскій періодъ также почти не удѣлялось вниманія, если не считать безцвѣтнаго пересмотра переселенческаго дѣла и устава крестьянскаго банка, не предупредившаго однако различнаго рода злоупотребленій. Уже въ концѣ этого періода (въ 1902 г.) образовано было при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое совѣщаніе (предѣдат. министръ Снягининъ) съ редакціонной комиссіей въ составѣ по назначенію министра—для пересмотра нѣкоторыхъ законоположеній о крестьянахъ. Результаты работъ этого совѣщанія передавались на обсужденіе губернскихъ совѣщаній чисто бюрократическаго состава. Но одновременно съ этимъ, по почину министра финансовъ С. Ю. Витте, организовано было особо дѣйствовавшее «Совѣщаніе для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности», которое образовало свои губернскіе и уѣздные комитеты. Въ послѣдніе, благодаря полномочіямъ, даннымъ ихъ предѣдателямъ, впущены были не только земскіе гласные, но и вообще извѣстные мѣстные дѣятели,—и работа ихъ, поскольку ей предоставлялось затрагивать и вопросы общаго управленія, вызвала извѣстное общественное оживленіе. Комитеты явственно выдвинули необходимость связи крестьянскаго вопроса съ рѣшительнымъ переустройствомъ всѣхъ сторонъ

государственного уклада. Намѣчались: созданіе всеобщаго сельскаго общества, отмѣна соединенія суда и администраціи въ сельскомъ управленіи, организація низшей судебной инстанціи. Естественно, что конкурировавшее съ сипягинской комиссіей, совѣщаніе было сочтено небезопаснымъ для государственнаго спокойствія и въ концѣ концовъ оно было закрыто. Это было уже въ мартѣ 1905 года, т.-е. наканунѣ первой революціи, а правительство сочло возможнымъ тогда же создать для дальнѣйшей работы новое совѣщаніе «о мѣрахъ по укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія». Въ рескриптѣ, данномъ на имя его предсѣдателя И. Горемыкина, въ числѣ такихъ мѣръ намѣчалась все тѣ же: переселеніе, подъемъ дѣятельности крестьянскаго банка и изоляція крестьянскихъ земель отъ другихъ владѣній, а это показываетъ, что даже среди начавшихся аграрныхъ погромовъ, правящія сферы такъ и не сумѣли или не захотѣли отрѣшиться отъ старыхъ, уже оказавшихся негодными, путей разработки одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ.

Ту же косность и близорукость проявило правительство Николая II на первыхъ порахъ и по отношенію къ другому капитальной важности вопросу, вопросу рабочему, выдвигавшемуся въ 90-хъ гг. на одно изъ видныхъ мѣстъ вслѣдствіе замѣтнаго роста фабричной промышленности и развитія самосознанія рабочаго класса, его профессиональной организаціи и политическаго воспитанія. Въ 1896 году произошли прекрасно подготовленные рабочими союзами большія стачки. Правительство всколыхнулось, попробовало нормировать рабочий день (законъ 2 іюня 1897 г.), но вскорѣ беззаботно допустило (правила 20 сентября) удлинненіе рабочего времени и ночную работу. вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонно принялись превращать фабричную инспекцію въ органъ управленія рабочими съ чисто политическими функціями, подчинивъ ее губернаторамъ (зак. 30 мая 1903 г.). Но главной задачей правительства по отношенію къ рабочимъ въ этотъ періодъ становится отвлеченіе ихъ отъ «политики». Создателемъ системы своего рода полицейскаго социализма выступилъ одинъ изъ агентовъ московской охранки, дослужившійся до должности ея начальника, Сергій Зубатовъ. Его система заключалась въ искусствѣ основывать такія рабочія организаціи, которыя бы отстаивали интересы рабочихъ путемъ стачекъ и другихъ формъ давленія на капиталистовъ, но подъ условіемъ полной преданности существующему порядку. Зубатовъ и его агенты старались разъединить рабочихъ съ интеллигенціей, увлекали ихъ, напротивъ, увѣреніями въ готовности правительства идти навстрѣчу ихъ нуждамъ, при условіи отказа отъ революціонности. Зубатовъ устраивалъ образователь-

ные кружки рабочих, подъ покровительствомъ московскаго ген.-губ. Сергѣя—и сумѣлъ привлечь для чтенія лекцій даже нѣсколькихъ профессоровъ Московскаго университета. 19 февраля 1903 г. до 50,000 рабочихъ, руководимыхъ Зубатовымъ, собрались въ Кремлѣ для возложенія вѣнка на памятникъ Александру II. Но потомъ эти блестящіе результаты зубатовщины быстро пошли на убыль: съ одной стороны система вызвала раздраженіе среди фабрикантовъ, а съ другой—и рабочіе убѣждались въ провокаціонномъ ея характерѣ. И зубатовскія организациі стали превращаться въ чисто-революціонныя. Но въ Петербургѣ, гдѣ зубатовщина тоже пустила корни, преемникомъ не оправдавшаго ожиданій и понавшаго подъ опалу Зубатова—выдвинулся на нѣкоторое время священникъ Гапонъ, сплотившій «общество русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ».

Недоброжелательное недовѣріе къ обществу и его самодѣятельности, можетъ быть, наиболѣе вышукло выразилось въ отношеніи правительства Николая II къ самоуправленію земскому и городскому. Что касается земства, то, несмотря на существенныя искаженія и комштенціи и системы представительства «реформой» графа Толстого 1890 г., оно продолжало отстаивать себя, какъ живой общественной организмъ, питая въ себѣ духъ противодѣйствія и борьбы—съ «видами правительства». Последнее въ своей варварской изолированности отъ общества и антигосударственномъ характерѣ и при Николаѣ смотрѣло на земство какъ на своего опаснаго конкурента. Явственнымъ образомъ такое недоброжелательство выразилось по вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ девяти западныхъ губерніяхъ и трехъ юго-восточныхъ (Астраханской, Ставропольской и Оренбургской). Въ 1898 г. мин. вн. дѣлъ (Горемыкинъ) внесло на заключеніе вѣдомствъ два соответствующихъ проекта (на основѣ положенія 1890 г.), но дальнѣйшее распространеніе самоуправления вызвало рѣшительный отпоръ со стороны мин. финанс. Витте и К. П. Побѣдоносцева. Въ своей конфиденціальной запискѣ по этому поводу С. Ю. Витте заявлялъ, что развитіе всесловнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбежно ведетъ къ таковому же и въ сферѣ управленія центральнаго, къ конституціи—этой «великой джигѣ нашего времени». Подъ вліяніемъ этихъ навітовъ, Николай отставилъ Горемыкина и пріостановилъ движеніе проектовъ. Преемникъ Горемыкина—Д. С. Сипягинъ пошелъ по указаніямъ Витте, вмѣстѣ съ которымъ въ 1899 г. составилъ и провелъ временныя правила о фиксаціи земскаго обложенія. Намѣреніемъ Витте было—сломить земскую оппозицію и обратить земство въ послушный органъ бюрократіи. Въ 1901 г. Сипягинъ и Витте смастерили проектъ земскаго

управленія въ неземскихъ губерніяхъ. Здѣсь выборное начало совершенно отвергалось и мнѣ. Сипягинъ съ самоувѣренностью лихого охотника и бонвивана утверждалъ, что при самодержавіи вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ представители мѣстныхъ интересовъ назначены,—по выборамъ или бюрократически—вопросъ совершенно второстепенный—и самое противоположеніе одного порядка другому—коренится въ смѣшеніи понятій. Однако этой любопытной теоріи не довелось получить осуществленія. 2-го апрѣля 1902 г. Сипягинъ былъ убитъ ст. Балмашевымъ. Его преемникомъ по власти былъ Плеве, который, поваливъ все-сильнаго до тѣхъ поръ Витте, взялъ обратно изъ Государственнаго Совѣта проектъ своего предшественника. Плеве, опираясь на два своихъ костыля: всевидящее полицейское око и неослабную репрессию, былъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ и возможности держать въ рукахъ настоящее, а въ будущее онъ не заглядывалъ и опасными «теоріями» не интересовался. Онъ принялся громить земство не записками и проектами, а ревизіями и административными воздѣйствіями. Въ губ. Московскоѣ, Вятскоѣ и Курскоѣ ревизію производилъ угодливый товарищъ министра П. Зиновьевъ, а на Тверскую за ея «безсмысленныя мечтанія» налетѣлъ директоръ департ. общихъ дѣлъ—Б. В. Штюрмеръ. Въ результатъ этой «ревизіи», веденой по-штюрмеровски, предпринятъ былъ настоящій разгромъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земствъ. Указомъ 8 января 1904 г. мин. вн. дѣлъ были даны особыя полномочія: безъ производства вторичныхъ выборовъ назначить предсѣдателей и членовъ управъ, разрѣшить текуція дѣла и воспретить пребываніе въ предѣлахъ губерніи лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія. Въ правительственномъ сообщеніи объявлялось, что дѣятельность земскихъ учрежденій Тверской губерніи давно уже обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ не соответствующимъ требованіямъ государственнаго порядка, постояннымъ стремленіемъ идти наперекоръ мѣстной власти, образованіемъ при управахъ «совѣтовъ» съ участіемъ учителей и врачей. Въ новоторжскомъ земствѣ—Штюрмеръ указывалъ на такое тяжкое преступленіе, какъ чтеніе въ школахъ Капитанской дочки Пушкина, сопровождаемое туманными картинками, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежной чернью. Исходя изъ набѣга на Тверь, правительство Плеве распространяетъ широко и въ другихъ мѣстахъ неутвержденіе должностныхъ лицъ, выбранныхъ земскими собраніями, завѣчивающееся устраненіемъ отъ должности предсѣдателя московскоѣ губернской земской управы Д. П. Шипова, организуетъ цѣлый походъ на... земскихъ статистиковъ, силою признан-

ныхъ политически неблагонадежными, закономъ 2 февраля 1904 г. изолируетъ уѣздныя земства отъ губернскихъ, предоставляя первымъ право ходатайствовать о мѣстныхъ нуждахъ прямо передъ правительствомъ.

Правительство Николая, руководимое послѣдовательно становившимся во главѣ его такими челоуѣконенавистниками какъ Горемыкинъ, Сипягинъ, Плеве, объявляло въ своей самоувѣренности войну всему обществу, всѣмъ его классамъ и организаціямъ. Оно не считалось съ важными вопросами, выдвигавшимися жизнью, съ назрѣвшими нуждами Россіи и до сознательнаго глумленія дѣйствовало наперекоръ стремленіямъ сознательныхъ элементовъ общества. Послѣднее и становилось все болѣе яростнымъ врагомъ его. Правительство и скрытая за нимъ верховная власть теряли всякій авторитетъ—а чувствуя это, оно обостряло полицейскій режимъ, объявляя всю страну подъ подозрѣніемъ; весь народъ—преступнымъ и заслуживающимъ каръ и возмездій. Еще въ 1895 г. генералъ-губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлено было право изгонять по личному усмотрѣнію людей не только за политическую «неблагонадежность», но и вообще за «порочное поведеніе». Вся Россія постепенно переводилась въ безмысленныя усиленныя, чрезвычайныя охраны, въ военное и чуть ли не осадное положеніе. 1897—98 г.г. отмѣчаются напряженіемъ ужасовъ цензуры. Закрываются просвѣтительныя и даже ученныя общества. Въ 1899 году въ виду студенческихъ волненій—особое совѣщаніе шести министровъ (мин. проsv.—Н. Боголѣповъ, бывший профессоръ, искони ненавидѣвшій студентовъ) постановило участвовавшихъ въ безпорядкахъ студентовъ отдавать въ солдаты, хотя бы они и не подлежали воинской повинности. Въ 1901 г. закрыть союзъ писателей. Въ 1902 г. разбросаны были по лицу земли русскія видныя участники комитетовъ по сельско-хозяйственной промышленности.

Позорнымъ пятномъ на раннемъ, до-думскомъ періодѣ царствованія Николая лежитъ и то ужасное средство, которое можно однако назвать даже традиціоннымъ въ подновленіи патріотизма и самодержавія—*погромы*. Жертвой ихъ главнымъ образомъ являлось еврейство, съ начала 80-хъ г.г. подвергавшееся у насъ мало понятнымъ для конца XIX в. преслѣдованіямъ. Сначала пытались мотивировать эти гоненія культурной отсталостью евреевъ, фанатизмомъ, замкнутостью. Позднѣе, наоборотъ ссылались уже на ихъ космополитизмъ, вредное для русскихъ стремленіе къ образованію. Устанавливали % нормы для евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ, круговыя поруки, запретъ цѣлаго ряда профессій и дѣятельностей, запрещеніе пользоваться христіанскими именами.

Устраняли массовыя выселенія евреевъ изъ различныхъ городовъ и мѣстностей, устраняли и погромы. Всѣ эти тенденціи съ особеннымъ напряженіемъ стали сказываться въ первые годы XX ст., когда въ Москвѣ развиваетъ свою дико-іудофобскую дѣятельность генераль-губернаторъ Сергѣй совмѣстно съ Дмитріемъ Треповымъ и когда Плеве устраняетъ два грандіозныхъ еврейскихъ погрома—въ Кишиневѣ и Гомелѣ (1903 г.). Въ Кишиневѣ—было до 50 убитыхъ, нѣсколько сотъ изуродованныхъ и 1300 разгромленныхъ домовъ и лавокъ. Въ результатѣ же гомельскаго погрома—преданы были еще суду 36 евреевъ, защищавшихъ жизнь собратьевъ отъ касильниковъ и грабителей, нанятыхъ правительствомъ.

Обостренію погромно-полицейскаго режима внутри страны соотвѣтствовали и все усиливавшіяся репрессіи на окраинахъ. Для Польши такія репрессіи были привычны, но когда та же политика была неожиданно и нечестно распространена и на Финляндію, послѣдняя вся вспыхнула великой ненавистью къ императорскому правительству. Въ 1898 г. финляндскимъ генераль-губернаторомъ назначенъ былъ Бобриковъ, которому велѣно было проводить, не считаясь ни съ чѣмъ, политику обрусенія и административнаго объединенія Финляндіи съ имперіей путемъ исключительныхъ законовъ. Въ слѣдующемъ году, лицемѣрно созывая первую мирную конференцію въ Гаагѣ, Николай совершилъ надъ Финляндіей актъ, вызвавшій глубокое негодованіе всего цивилизованнаго міра. 3 февраля 99 г. былъ изданъ манифестъ, за официальнымъ названіемъ котораго: «Объ основныхъ положеніяхъ составленія, разсмотрѣнія и обнародованія законовъ, издаваемыхъ для имперіи вмѣстѣ съ Финляндіей», скрывалось грубое покушеніе на цѣлость финляндской самостоятельности. Финляндскій сенатъ заявилъ протестъ противъ нарушенія конституціи, и въ Петербургъ были отправлены депутаціи съ адресомъ къ Николаю, покрытымъ болѣе, чѣмъ 500.000 подписей. Николай не пожелалъ ее принять. Но вмѣсто того въ 1900 г. былъ обнародованъ высочайшій указъ о введеніи русскаго языка въ Финляндіи, а въ 1901 г. манифестъ объ изданіи для нея новаго устава о воинской повинности. Все финляндское общество пришло въ волненіе, начались беспорядки, протесты, съѣзды. Снова былъ направленъ къ Николаю протестующій адресъ—и снова Николай не принялъ его. Бобриковъ же неистовствовалъ, пока 3 іюня 1904 г. не былъ убитъ сыномъ сенатора Шауманомъ.

Вся эта противонародная и антигосударственная политика должна была неизбѣжно питать ростъ антиправительственныхъ идей, неуклонно подрывать авторитетъ власти, но эти процессы